

Ли Кэ повис на нем, раскачиваясь из стороны в сторону:

— Хи-хи, совсем не тяжело, у меня в эти дни аппетит неважный, с чего бы мне быть тяжелым?

Ду Чуаньбо почувствовал, что его шея вот-вот хрустнет. Глубоко вздохнув, он медленно протянул руку, ухватил Ли Кэ за волосы и потянул назад.

Ли Кэ с жалобным воплем сполз с него:

— Ду Эр, ну ты и бессердечный! У меня из-за тебя вся прическа растрепалась.

— А у меня из-за тебя весь парадный мундир испачкан, — отрезал Ду Чуаньбо.

Он широким шагом направился к себе в комнату. Ли Кэ последовал за ним, но стоило Ду Чуаньбо войти внутрь и приготовиться закрыть дверь, как та чуть не припечатала Ли Кэ к косяку.

Ли Кэ постучал по плотно закрытой двери:

— Вот скряга! Оба же мужики, от одного взгляда на тебя кусок не отвалится.

В комнате Ду Чуаньбо осторожно начал переодеваться. Несмотря на все старания двигаться плавно, он все же задел ушибленное место. Ду Чуаньбо с шумом втянул воздух и медленно выдохнул, стараясь не издавать лишних звуков.

Он посмотрел на синяк на своем животе, не зная, на кого злиться — на себя или на других. В конце концов, он ведь владеет боевыми искусствами, чтобы защитить себя, а из-за того, что стал этим «лучшим выпускником», докатился до того, что его ударили в драке, которую он пытался разнять.

Мазать синяк мазью было лень. Он просто натянул одежду из более мягкой ткани. Верхний халат он еще не успел запахнуть, как снаружи раздалось скрежетание — Ли Кэ начал яростно царапать дверь. Ду Чуаньбо понял: тот потерял терпение. Тем не менее, он не вышел, пока не привел себя в полный порядок.

— Ну наконец-то! Даже роды проходят быстрее, чем ты одеваешься, — тут же начал жаловаться Ли Кэ, увидев его.

Ду Чуаньбо покосился на него:

— Что такое? Ты сам рожал, раз считаешь, что это быстрее меня?

— С чего бы мне рожать медленнее? Ты такой... — желание победить в споре заставило Ли Кэ выпалить первую часть фразы, но, осознав, что он несет, он вовремя прикусил язык.

Очередная попытка взять реванш провалилась. Глядя на его ошарашенное лицо, Ду Чуаньбо ощутил прилив хорошего настроения и едва заметно улыбнулся. Это тебе за то, что из-за твоего отца мне пришлось лезть в драку и получить травму. Отец за грехи сына расплачивается — вот и ты расплатишься.

— Давай к делу, — сказал Ду Чуаньбо. — Ду Ваню скоро вернется, поторопись.

Он сделал два шага и вдруг остановился:

— Ты куда ребенка пристроил?

Ли Кэ, шедший следом, не успел затормозить и наступил ему на пятку. Ду Чуаньбо вскипел. Скрипя зубами, он процедил:

— Сапоги стоят пятьдесят лянов. Возместишь по полной стоимости, а если денег нет — пойду требовать с твоего отца.

Как только Ду Ваню вернулся, он застал Ду Чуаньбо с перекошенным от ярости лицом и... жалко скулящего Ли Кэ. Тот, увидев Ваню, словно встретил родную кровь, и уже было раскинул руки для объятий, но Ваню ловко увернулся.

Ли Кэ не хотел сдаваться и приготовился к новой попытке, но тут вмешался Ду Чуаньбо: схватил его за шиворот и швырнул на стул.

— Сиди и не дергайся, — прорычал он. — Еще раз пошевелишься — выкину вон.

Ду Чуаньбо редко выходил из себя, и даже Ду Ваню понял, что тот по-настоящему в ярости.

— Ду Эр, не сердись, ты его напугал, — попытался смягчить ситуацию Ваню.

— Хм, — Ду Чуаньбо издал холодный смешок, от которого заскрежетали зубы. — Если бы он знал, что такое настоящий страх, то не творил бы подобных вещей.

Ли Кэ возразил:

— Это ты сказал, что сапоги стоят пятьдесят лянов! Я наступил один раз — платить, наступил второй — тоже платить. Ну наступил еще разок, и что такого?

Ду Чуаньбо, подавляя в себе желание убить наглеца, спросил:

— А одежда? Моя одежда тебе чем не угодила?

На спине у Ду Чуаньбо красовалось огромное чернильное пятно. У Ли Кэ на рукаве тоже были

пятна, но по сравнению с тем, что было на Ду Чуаньбо, — сущий пустяк.

Ли Кэ смущенно почесал пухлую щеку и пробормотал:

— Это я... я хотел написать тебе долговую расписку и случайно пролил...

Ду Ваню хотелось показать Ли Кэ большой палец. Ду Чуаньбо больше всего на свете ненавидел неопрятность. Облить его чернилами — это было равносильно объявлению войны. То, что Ли Кэ до сих пор не избили до полусмерти, было настоящим чудом.

Ли Кэ понял, что перегнул палку, но, вспомнив, как его вечно притесняют, снова набрался наглости:

— У тебя столько одежды, что ты ее порой даже не носишь! Почему же, когда дело касается меня, ты такой мелочный? Ты явно ко мне придираешься! Должностное лицо, а вымогаешь деньги у простого человека — у тебя сердце чернее сажи!

Чем больше он говорил, тем громче становился его голос, и последние слова он почти прокричал прямо в лицо Ду Чуаньбо.

Ду Чуаньбо от ярости рассмеялся. Его персиковые глаза сузились, уголок губ приподнялся. Ду Ваню начал медленно отступать, готовясь в любой момент сбежать. Ли Кэ помнил: именно с таким выражением лица Ду Чуаньбо совершил свое первое убийство.

Тот, кто знает толк в обстоятельствах, не лезет на рожон. Мудрый человек умеет и прогибаться, и выпрямляться. Ли Кэ, не колеблясь ни секунды, мгновенно сдал позиции, обхватил ногу Ду Чуаньбо и завыл:

— Я был неправ, Ду Эр! Не убивай меня, я сейчас же пришлю тебе новую одежду и новые сапоги! Пощади, Ду Эр...

Ду Чуаньбо опустил взгляд на Ли Кэ и медленно произнес:

— У меня есть нож. Тонкий, как бумага, но режет железо, как масло. Он убивает без следа. Как ты думаешь, если я приставлю его к твоему горлу, это будет честью для ножа или для тебя?

Эти слова задели Ли Кэ за живое. Он — сын первого министра, а докатился до того, что ползает в ногах и молит о пощаде, а человек, у которого он просит, даже не удосуживается проявить каплю уважения. К тому же при свидетелях его поведение выглядело крайне позорно. В нем выиграло чувство собственного достоинства.

Ли Кэ поднял голову, стараясь выглядеть грозно:

— Ду Чуаньбо, не заходи слишком далеко! Расспроси людей о моем положении в Ванцзине, не думай, что я действительно...

Ду Чуаньбо внезапно нанес резкий удар ребром ладони, остановив его в дюйме от шеи Ли Кэ.

— Боюсь... тебя... — закатив глаза, пробормотал Ли Кэ и потерял сознание.

Его голова безвольно соскользнула с ноги Ду Чуаньбо. Тот перетащил обмякшее тело на стул и выругался:

— Никчемный, только все портишь. Из-за такого бестолочи все дело провалилось.

Ду Ваню слышал немало историй о «втором господине Ли». С детства Ли Кэ был неспособен ни к учебе, ни к боевым искусствам — только и знал, что слушать музыку, гулять с птицами да пить вино. В императорском дворце разорял гнезда и сломал ногу, в академии прогуливал занятия, чтобы ловить рыбу, и чуть не утонул.

Его отец не раз хотел повесить его и выпороть, но за него всегда заступались старший брат и мать. Старший сын семьи Ли молил о пощаде, стоя на коленях, а госпожа Ли устраивала истерики. К тому же Ли Кэ родился болезненным, и родители не могли не жалеть его. Ли Гу, видя, что сын не совершает тяжких преступлений, решил закрывать глаза на его выходки.

Благодаря этому Ли Кэ в Ванцзине чувствовал себя хозяином жизни, пока не встретил Ду Чуаньбо. И нашла коса на камень: маленький тиран превратился в послушного хвостика, который падает в обморок от одной лишь угрозы.

— Ду Эр, может, позвать Сяо Су? — с сомнением спросил Ваню. Человек без сознания, нельзя же его просто бросить.

— У меня полно способов привести его в чувство, — Ду Чуаньбо сделал большой глоток чая и с грохотом поставил чашку на стол.

— Ду Эр, ты же не собираешься... — не успел договорить Ваню, как Ли Кэ внезапно подскочил со стула, зажал Ду Чуаньбо рот рукой, и тот, издав булькающий звук, проглотил воду.

Ду Чуаньбо никак не ожидал такого поворота. Его губы приоткрылись, и остатки воды потекли по уголку рта, подбородку и затекли за шиворот.

Ли Кэ сорвался с места и рванул к выходу, пронесаясь мимо Ду Ваню, словно порыв ветра.

Прекрасное лицо Ду Чуаньбо покрылось инеем. Он сжал кулаки так, что вздулись вены, подавляя ярость, подошел к двери и сказал Ду Ваню:

— В твоей комнате ждет кое-кто маленький. Сходи посмотри.

Ваню кивнул, мысленно готовясь заказывать гроб для Ли Кэ.

— Я отлучусь. Если не вернусь к ужину, найди кого-нибудь, чтобы выбрать место для могилы — я прикончу Ли Кэ! — бросил Ду Чуаньбо и вылетел за дверь.

Ду Ваню проводил его взглядом:

— Амиабха, милосердия тебе. Иди с миром, господин, и возвращайся поскорее.

— Хи-хи-хи-хи.

Этот смех раздался из-за декоративного дерева. Ду Ваню показался голос знакомым. Он огляделся — вокруг никого, но вдруг что-то обхватило его за голень. Он опустил взгляд: пухлый малыш с невинным личиком смотрел на него и заливался смехом.

Ваню присел и обнял ребенка, его глаза наполнились радостью:

— Так вот о ком говорили, что он ждет меня в комнате. Пока меня не было, ты вел себя хорошо? Кушал вовремя?

Неудивительно, что Ду Эр последние дни вел себя так таинственно — оказывается, ездил за этим малышом.

Малыш покрутился в руках у Ваню, словно говоря: посмотри, я еще не потолстел?

Ваню нежно обнял его:

— Хорошо-хорошо, я знаю, что ты самый послушный. Когда ты приехал?

Ребенок снова засмеялся:

— Еще утром! Как только приехал, увидел, как второй дядя ругается с кем-то. Он велел мне сидеть в комнате и ждать тебя, но ты долго не приходил, и я сам вышел.

Боясь, что Ваню будет ругать его за то, что он бродит по дому, он добавил:

— Я был очень послушным! В карете только ел и спал, те, кто меня вез, тоже говорят, что я молодец.

Ваню улыбнулся:

— А ты скучал по мне?

Малыш задумался, надул губы, обхватил Ваню за шею и обиженно прошептал:

— Ты обманщик! В прошлый раз сказал, что скоро вернешься, а я так долго ждал, и ты не приехал. Бабушка сказала, что ты заболел. Больной дядя Ваню — самый плохой, я по тебе не скучал!

Сказав это, он разрыдался. Сопли и слезы перемешались, лицо стало блестящим. Ваню почувствовал вину и жалость, принялся вытирать ему лицо платком и тихо успокаивать:

— Прости, прости, дядя виноват. Больше я так не буду.

С трудом успокоив ребенка, Ваню отвел его в комнату, умыл и, усадив к себе на колени, стал поить теплым молоком. Чтобы доказать, что он уже большой, малыш сам взял чашку и выпил все до дна.

После этого, икая от сытости, он начал, подражая учителю, качать головой и декламировать Троесловие. Детский голос, мягкий и нежный, заставил сердце Ваню растаять.

Постепенно ребенок начал клевать носом, его головка клонилась то в одну, то в другую сторону, а из уст доносилось не то бормотание, не то сонный бред. Ваню уложил его в кровать, подоткнул одеяло и сел рядом, с нежностью глядя на спящего.

Личико стало круглее и белее, чем когда он уезжал. Он все такой же — любит поесть и поспать, но стал гораздо рассудительнее. Ваню коснулся пальцем его носа. Ребенок совсем не похож на свою мать, он рос в семье Ду и перенял их характер.

Ваню подумал: если бы Цыси была жива, возможно, он был бы похож на нее. Но даже если он и завидовал другим детям, никогда не жаловался. Каждый раз, когда он видел жену дяди, то так сладко улыбался и ластился, что та не могла сдержать восторга.

Ваню взял маленькую ладошку в свою:

— Я тоже очень скучал по тебе.

Малыш причмокнул губами, словно ему снилось что-то вкусное. Ваню тихонько похлопал его, напевая колыбельную, и вскоре сам провалился в сон.

Во сне он оказался в густом тумане.

Когда туман рассеялся, он увидел, что кто-то подвешен в воздухе — судя по фигуре, это был ребенок. Растрепанные волосы скрывали лицо, он тяжело дышал, и кровь капала с его тела на землю. Черная тень подошла к ребенку, оскалилась и кинжалом откинула его волосы. Ребенок поднял голову и плюнул в тень кровью. Тень, охваченная гневом, вонзила кинжал в ребенка.

Холодный блеск — и вот уже сам Ваню сжимает рукоять кинжала, вонзенного в его собственную грудь. Кровь окрасила его белые одежды, тело по инерции отклонилось назад, и

бездна, казалось, была готова поглотить его.

Боль. Пронзительная боль. Оказывается, на свете действительно существует сердечная боль.

— Нет, не надо! — раздался душераздирающий крик.

Ваню протянул руку к человеку, который бежал к нему. Его зеленые одежды развевались на ветру, холодное лицо было скрыто растрепанными волосами. Он отчаянно тянул руку, пытаясь схватить Ваню, но в последний момент, когда пальцы почти коснулись его, отдернул их.

Ваню заглянул в глаза этому человеку — в тех, что раньше были холодными, как осенняя вода, сейчас читалась лишь насмешка. Человек скрестил руки на груди, стоя на краю обрыва, и равнодушно смотрел, как Ваню падает в бездонное море.

В глубине моря царила тишина. Вода превратилась в прозрачный гроб, сковывая движения. Она становилась все теплее и мягче. Ваню погрузился в этот покой, желая лишь одного — уснуть навсегда.

Но тут послышался плач младенца. Сначала тихий, но по мере того, как ребенок рос, он становился все громче. Спокойная вода пришла в движение. Ваню почувствовал, что ему становится трудно дышать...

Он резко открыл глаза, жадно хватая ртом воздух. Удушье отступило, но плач не прекратился.

Ваню на мгновение замер, повернулся к ребенку рядом. Тот тер глаза и горько плакал. Увидев, что Ваню проснулся, он бросился к нему, рыдая еще сильнее. Ваню, стараясь прийти в себя, обнял его и принялся тихо утешать.

Ду Чуаньбо запретил слугам входить в комнату Ваню без надобности. Услышав плач ребенка, они не решились войти и послали человека за господином.

Те, кто охранял дверь, уже собирались вломиться, когда подоспел Ду Чуаньбо. Услышав, что плач стих, он отослал слуг и постучал.

— Входи, — отозвался Ваню.

Он сидел на кровати, прижимая к себе ребенка, который все еще всхлипывал.

— Слуги сказали, что он сильно плакал. Что случилось? — Ду Чуаньбо с тревогой посмотрел на бледное лицо Ваню.

Тот слегка покачал головой:

— Ничего. Мне приснился кошмар, я его напугал.

Ребенок поднял голову и крикнул:

— Второй дядя! Дядя Ваню не просыпался, как я его ни звал, я так испугался!

Он снова зарылся в объятия Ваню. Тот беспомощно произнес:

— Ты весь мой халат соплями измазал, мне теперь совсем нечего надеть.

Видя, что Ваню совсем без кровинки в лице, Ду Чуаньбо привычным движением подхватил ребенка:

— Грязнуля, пойдем, я тебя искупаю.

Малыш заерзал:

— Не хочу купаться! Не хочу отпускать дядю Ваню!

Он боялся, что если уйдет, то дядя Ваню умрет.

— Твой дядя любит чистых детей, — сказал Ду Чуаньбо. — А ты такой чумазый, кто тебя такого полюбит?

Стоило Ду Чуаньбо нахмуриться, как ребенок тут же замолчал и жалобно посмотрел на Ваню. Тот лишь пожал плечами: мол, ничем не могу помочь. Малышу пришлось смириться и дать себя унести.

Проводив их взглядом, Ваню остался сидеть, прислонившись к спинке кровати. Его глаза, похожие на виноградины, были пусты. Когда он пришел в себя, за окном уже сгустились сумерки. В комнате стало совсем темно. Ваню хотел подняться, чтобы зажечь лампу, и тут заметил, что рядом кто-то сидит.

Он вздрогнул и прижал руку к груди:

— Сяо Су, ты пришел, почему не сказал?

Су Сюло убрал пальцы от запястья Ваню, встал, зажег свечу и достал из пузырька коричневую пиллюлю, подав ее вместе с водой.

— Сначала лекарство, — приказал он.

Когда Ваню проглотил пилюлю, Су Сюло подал ему теплую кашу и начал ворчать:

— Переутомление, стресс — ты все собрал. Думаешь о том, о чем не надо, делаешь то, что не надо. Меня не было всего три-пять дней, а ты уже до такого дошел. Хорошо, что ребенок заплакал и разбудил Ду Эра. Если бы его не было, ты бы так и терпел, ничего нам не сказал, пока не стало бы совсем поздно, а потом пришлось бы вызывать меня обратно из «Сердца целителя»?

— Я ничего, я в порядке, — Ваню отставил кашу, закатал рукав и протянул запястье: — Не веришь — проверь. Я все эти дни пил лекарства по расписанию.

Ду Чуаньбо приставил к нему человека, чтобы тот следил за каждым приемом.

Су Сюло, конечно, понимал, что Ваню пьет лекарства. Но когда тот видел кошмары, его тело остывало, лицо искажалось, кожа становилась мертвенно-бледной. Если бы его никто не разбудил, он бы так и оставался в плену кошмара, пока боль не стала бы невыносимой. Если бы не ребенок, Ваню бы просто скрыл, что ему что-то снилось.

Су Сюло вздохнул:

— Я заходил к нему. Ты напугал ребенка.

Вид Ваню во время кошмара напугал бы даже взрослого, не говоря уже о малыше.

— Сяо Су, может, поселить его в саду Тэнцин? — лицо Ваню после лекарства немного порозовело, но все еще оставалось бледным. — В таком состоянии он не должен этого видеть.

Су Сюло удивленно посмотрел на него:

— Ты сможешь его отпустить?

Разве можно отпустить? Но есть вещи, которые приходится делать, даже если сердце разрывается.

Ваню опустил голову:

— Я буду часто его навещать. Там в саду много детей, ему должно...

Луна сияла среди редких звезд, деревья шумели листвой. В лесу, в лунном свете, сова неподвижно сидела на ветке, широко открыв глаза, не упуская из виду ни одной жертвы. Черная тень промелькнула перед совой, приземлилась на ветку, затем спрыгнула на землю, и, словно призрак, проскользнула через стену в лагерь.

Янь Хэн сидел за столом, подперев голову рукой, прикрыв глаза, наслаждаясь тишиной. Тун Яньчжи сидел справа от него и перебирал струны цитры — музыка лилась, словно горный ручей.

Раздалось два стука в дверь. Тун Яньчжи не прекратил игры:

— Входи.

В комнату вошел мужчина в черном, быстро закрыл дверь и поклонился обоим. Не успел он открыть рот, как Тун Яньчжи произнес:

— Маленький Сун Ци, неужели снаружи бродят волки, тигры или злые духи, что ты так перепуган?

Сун Ци смутился, но быстро взял себя в руки:

— Господин, тот, что заперт в темнице... он избил того, кто приносил сегодня еду, и сказал, что хочет видеть господина.

Янь Хэн издал невнятный звук. Сун Ци облегченно выдохнул — он так боялся идти с этой новостью, что чуть не попался, когда перелезал через стену.

— Ох уж этот старший брат, — пробормотал Янь Хэн. — Ни минуты покоя не дает.

<http://bllate.org/book/21032/2138856>